

МАТЬ

(Поэма)

Перевод с даргинского Александра ПАВЛОВА

Если матери наши
всей судьбою привязаны к дому,
разве можно к нему
навсегда привязать сыновей?
И в родной стороне,
погружаясь в предсмертную

дрему,
знает каждая мать,
что землей закидают своей.
Но разносит сынов
от порога по белому свету,
знал бы, где упадешь,
то соломки себе подстелил.
И земля широка,
только места свободного нету —
слишком тесно на ней
ото всех безымянных могил.
Это кровь сыновей
материнскими льется слезами,
и не раны болят,
а живые сердца матерей.
Смотрят матери вслед
и кричат молодыми глазами:
— С богом, с богом, сынок!
И домой возвращайся скорей.
Что в притихшем дому
со звездой в одиноком оконце
не почувется ей,
не привидится в сумраке ей?!
И покуда восход
не зажжется стремительным

солнцем,
то не сердце стучит,
а шаги уходящих детей.

— Подойди-ка, Ризван,
сядь поближе ко мне и

послушай.
Я стара и пора
собираться на вечный покой.
Уж и руки не те,
уж и память становится глуше,
и дорога длинна
под мою усталую клюку.
Жгли Ризвана слова
материнскою мудрой печалью,
от высоких седин
исходил удивительный свет.
Словно звездочка та —
из окошка — упала нечаянно,
и хранила очаг,
и в горах занимала рассвет.
— В день, когда я уйду,
может, будешь в краю ты

далеком,
а родная рука
не проводит и горстью земли...
Я прошу тебя, сын,
там, где предки, на склоне
высоком,
приготовь мне могилу,
вековую постель постели.

— Что ты, мама!
Зачем
говоришь ты такое до срока?
Ты не так уж стара —
есть и старше.

Не так уж больна —
есть болезненней.

Или жестоко
над тобой пошутит весна?
Что надумала ты?
Ведь живые могил не имеют...
Посмотри, как цветут
наши горы, аулы, сады,
как шумит водопад
и орлы над ущельями реют,
и отары бредут
у прозрачной и быстрой воды.
Не в пустыне же мы,
чтобы я тебе вырыл могилу...
И святая святых
для Ризвана родительский кров.
Что задумала ты?
Или слышишь недобрую силу?
Смертным холодом веет
от твоих недосказанных слов.

— Нет, сынок, ты горяч,
и круты судьбы повороты.
Чует сердце беду:
вижу черный и высохший день,
слышу — реки гудят,
и в дому не хватает кого-то...
Я прошу тебя, сын,
приготовь мне могильную тень.
Даже тот, у кого
не бывало ни близких, ни дома,
ее должен иметь.
Я прошу тебя, сын, поспеши.
И слова не новы,
и обычай куда как знакомый...
Подними-ка глаза.
Просьбы матери все хороши.

Смотрит утром Ризван
на аул с недалекого склона:
плач ли детский взлетит,
или кочет рассыплет лады —
эхо катится вдаль
и в горах, разбиваясь бессонно,
на гранитные глыбы
садится у быстрой воды.
Как великая радость,
на землю является солнце,
тянет к людям лучи,
озаряет извивы дорог.
Вот блеснули лучи
в материнском тревожном

оконце,
вот выходит она
и садится на теплый порог.
В небо тянется дым...
Как сегодня он схож с
тополями.

Пробудился аул,
во дворах голосов серебро.
Голубиная стая
над кладбищем плещет
крылами
и роняет на плиты
отслужившее телу перо.
Вот хозяйки коров
выгоняют в пылающее стадо...
Так же было всегда,
было сотни и тысячи лет...
И летят лепестки
с молодого отцветшего сада.
Всюду жизнь и весна,
нету смерти и горести нет.
Чтоб любить эту жизнь,
нужно много

и все-таки мало —
каплей в чистой воде
раствориться и падать с вершин.
Покидают орлы
обоженные росами скалы,
и горянка в реке
шаловливо купает кувшин.
Как не хочет Ризван
в это утро под ласковым

солнцем
тронуть землю киркой
и покой потревожить трудом.
Но внизу на него
материнское смотрит оконце,
и печалью покрыт
опустевший и низенький дом.
Что он ей подарил
в этой жизни, такой невеликой?
Как черешня, подрос
да над крышей водил голубей...
И на склоне теперь,
что затянута густой ежевикой,
нужно вырыть могилу,
как подарок единственный ей.
Нет, не в рыхлой земле,
а у скал, на подножии самом,
где звенят родники,
и сторожко ступает архар,
выбрал камень Ризван
широкий и белый, как саван,
и в могильной тиши
за ударом раздался удар.

Только вздрогнула мать
на пороге у дома родного,
и, оставив клюку,
помолилась на ясный восход.
А на синий утес
полетело печальное слово,
и разбилось, как эхо,
и растаяло в грехоте вод.

Рыть могилы живым —
был в ауле не новый обычай.
Сколько гордых сынов
по долинам на сечах легло!
Сколько врагов шло,
по-над гривами шеи набывчив!..
Но о вольные скалы
разбивались и подлость, и зло.
Воевали сполна,
и платили сполна за свободу,
и пустынных могил
миновали тела матерей.
И молились они
грозовому от крови восходу,
и веками стояли
у распахнутых настежь дверей.
Рыл могилу Ризван
в горевом неподатливом камне,
било крошево больно
из-под теплой, каленой кирки.
Он его собирал
могильными, живыми руками
и укладывал рядом,
и прокладу ловил от реки.
Нелегко он встал
в материнскую эту могилу.
Клином шла она вниз,
словно памятник трудной судьбе.
Вот готова она,
вот уж мать к той могиле

сходила,
и на праздничный пир
весь аул пригласила к себе.
За широким столом
веселились и плакали гости,
пели древние песни
и древнее пили вино.
Но печальное эхо
бродило на тихом погоете,
словно зная о том,
что, кому и когда суждено.

Но в долине большой
закипела великая битва,
где и смертью своей
ни один не мечтал умереть.
Знать, бессильна была
матерей постаревших молитва,
как бессильна всегда,
если жизнь голосует за смерть.
Видно, кровь сыновей
материнскими льется слезами,
и не раны болят,
а живые сердца матерей...
Смотрят матери вслед
и кричат молодыми глазами:
— С богом, с богом, сынок!
И домой возвращайся скорей...
Докатилась в аул
из горящих долин канонада
и, крыла распластав,
на великий рубеж позвала.
И с черешней в горсти
из родного притихшего сада
в путь подался Ризван,
свой кинжал отточив добела.
Долго вилась тропа,
уводя от родного аула...
Но, в ущелье сходя,
на него оглянулся Ризван, —
и мгновенная боль,
словно пуля под сердце
кольнула,
а глаза затянул
голубой и дрожащий туман.
И ему бы не знать,
что с кинжалом и добротной

огранке
не нагрнешь туда,
где катился убийственный вал,
клином шли по земле,
кровеная, крестастые танки
сквозь несжатую рожь,
сквозь поля и леса вперевал...
Закружило его...
То в горячую землю вгоняло,
то швыряло вверх
и — вперед, с перекошенным

ртом.
И отцовский кинжал
в рукопашных работах немало...
А в далеких горах
мать стояла на склоне крутом.
Все молилась она,
чтоб от сына хоть слабое эхо
из бескрайних долин
на пустынный утес принесло...
И, встревожив аул,
наконец-то, как первая вежа,
прямо к матери в руки
от Ризвана явилось письмо.
Словно голос живой
завывал из размашистых

строчек:
— Здравствуй, мама!

Теперь,
я могу о себе написать.
Враг побит, как шакал,
и едва уже ноги волочит,
даже в собственном логове
никогда ему больше не встать.
Сотни новых друзей
растерял я по черным долинам,
и в атаки бежал,
и в холодных окопах лежал,
только всюду со мной
на пути обгабленном и длинном
ты со мною была,
был со мною отцовский кинжал.
Пусть не всю еще землю
мы сегодня Отчизне вернули,
да недолго уже
дождаться больших перемен.
Знать, победа близка,
если сын отозвался словами,
значит, скоро придет
и обнимет усталую мать...

Понимает умом:
возвращение — не за горами,
только сердцем она
почему-то не может понять.
Слишком ярко звезда
за окошком ее запылала,
непокойно гудит
по ночам вековая река.
Слишком loudly во снах,
а прохожих на улочке мало...
И свинцом налилась
непослушная пальцам клюка.
Солнце сядет в горах —
над аулом рассыплется небо,
только глаз не закрыть
и не выдержать ей тишины,
а сверкающий месяц,
как меч, роково и нелепо,
нависает над домом,
карауля горячие сны.
Только шум очага,
где свистел и потрескивал

хворост,
говорил о годах,
когда в горнице было светло
и звучал за столом
глуховатый хозяина голос,
и домашние голуби
крыльями били в стекло.
Приносили они
чаще самые добрые вести,
а недобрые были —
то честно делились на всех.
Пусть и слезы, и смех,
и ненастья, и праздники —
вместе!

Что осталось теперь
от годов серебристых тех?
Обветшалый порог,
палисад, не ко сроку
заглохший,
воспаленная память
и дум ледяная река...

В теплых отблесках утра
под горой появился прохожий.
В сапогах, с рюкзаком,
на широкой повязке рука.
Хоть походка легка,
да на горца никак не похожий —
знать, дорога в аул
для солдата была нелегка.
Все заметила мать
и с порога шагнула навстречу:
— Ты откуда, солдат?
Видно: долго идешь...

Отдохни.
Чем могу — накормлю,
как могу, обогрею, привечу...
Все мы нынче друг другу
приходимся вроде родни.
— Что ж, спасибо, мамаша...
Устал я от этого груза, —
снял рюкзак и присел. —
Помоги самокрутку свернуть...
— Выпей чарку, солдат.
С довоенной еще кукурузы.
И усталость пройдет,
и короче покажется путь.
'Огляделся солдат —
будто сразу припомнилось

что-то:
прятка, стол у окна...
И в догадке ссутулившись
вдруг,

он на серой стене
разглядел затененное фото,
на котором — Ризван,
боевой и отчаянный друг.
— Видно, мать, для тебя
прошагал я великие дали...
Он склонился к ногам
и устало рюкзак развязал...
Вынул орден солдат
и сверкнувшие тускло медали,
а из кожаных ножен —
отточенный горский кинжал.
— Там, на русской земле,
схоронил я недавно Ризвана...
В самом страшном бою...
шли в атаку... последние шли...
Он бы выжил, как я...
Но случилось...

смертельная рана...
Он просил принести
из какой-то могилы земли...
Что уведит сынов
от порога по белому свету...
Знал бы, где упадешь,
то соломки себе подстелил.
И земля широка,
только места свободного нету —
слишком тесно на ней
ото всех безымянных могил.
Видно, кровь сыновей
материнскими льется слезами,
и не раны болят,
а живые сердца матерей.
Смотрят матери вслед
и кричат молодыми глазами:
— С богом, с богом, сынок!
И домой возвращайся скорей...
Что в притихшем дому
со звездой в одиноком оконце
не почувется ей,
не привидится в сумраке ей?!
И покуда восход
не зажжется стремительным
солнцем,
то не сердце стучит,
а шаги уходящих детей.

Выразить посредством
языка определенной нацио-
нальности мысли и чувства
автора чрезвычайно труд-
но. Поэтому любой перевод
(тем более стихов!) явля-
ется производной величи-
ной от оригинала. В тра-
дициях и обычаях каждого
народа есть глубокое, чело-
веческое начало. Именно
поэтому проблема перевода
существует.

